

И В А Н
ОХЛОБЫСТИН

ВЕЛИКАЯ
ТУШИНСКАЯ
ЗГА

РОМАН

Иван Иванович Охлобыстин

Великая тушинская зга

Серия «Миры Охлобыстина»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69579121
Великая тушинская зга /Иван Охлобыстин: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-116770-7

Аннотация

Пафос и стёб, ностальгия по прошлому – и мистика внутри обыденности, фирменный юмор – и высший смысл, брутальный реализм – и городские легенды, слухи и анекдоты...

Изобретательный стиль Ивана Охлобыстина в полной мере раскрывается в его новом романе, где смело действуют подростки из восьмидесятых, их обеспокоенные родители, изобретатели-алкоголики, высококультурные цыгане, известные рокеры, герои спецслужб в отставке, предприимчивые менты, терпимые священники, закаленные последователи Порфирия Иванова, воображаемые шпионы, фантомы российской истории, а также козел, кролик и человеческий мозг в колбе...

Место действия – Тушино, над и под землей.

Короче говоря, с Охлобыстиным не соскучишься.

Иван Охлобыстин

Великая тушинская зга

*Мгла порождает хтонь, хтонь порождает
жуть, жуть порождает згу, зга поглощает мглу.*

Издательство выражает благодарность за помощь в получении прав литературному агенту Ирине Горюновой.

Издательство выражает благодарность за работу над изданием литературному редактору Инге Кузнецовой, фотографу Андрею Федечко.

© Текст. Иван Охлобыстин, 2023

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

© Фото. Фото Андрей Федечко, 2023

В шестом классе Серёжа Ежов стал городским жителем. Он не просто обрёл город, он обрёл Тушино – и щемящая тоска от потери детского, деревенского волшебства утихла, а её заменил мегаполис с его головокружительной бездной возможностей, где Серёжа скоро почувствовал себя словно рыба в воде.

А ведь как страдал, когда видел в окно автобуса исчезающие в русском ничто контуры полузаброшенной лодочной станции неподалёку от их погребца, скрывшегося в огромных лопухах по самую крышу!

Серёжа жил в деревне с бабушкой, дедушкой и старшей маминой сестрой тётей Ларисой. Жил беззаботно и счастливо. Бегал с деревенскими мальчишками своего возраста купальный сезон открывать на «коровьем броду» в апреле, жёл костры на берегу реки Спас-Суходрев, которая хоть в ширину редко пяти метров достигала, но тянулась через всю область километров на сто с лишком, катался на санках в ледяных оврагах, спускающихся к полю, за которым простирались безбрежные калужские леса.

Его дедушка служил директором сельского клуба. Мужчина представительный, но пьющий. Со своим верным другом – киномехаником дядей Борей – они частенько «закладывали за воротник», скрываясь от глаз бабушки в кинопроекторной будке. Порой они так увлекались беседами, что дядя Боря путал коробки с фильмами. Потом извинялся перед зрителями и мог дважды один и тот же фильм показать. Многим это нравилось. Особенно часто, даже и не могу предположить почему, показывали фильм с участием молодого Жан-Поля Бельмондо «Повторный брак». Скорее всего, дядя Боря на областной кинопрокатной базе «замыл» себе коробки с этим фильмом на чёрный день, когда

совсем нечего будет показывать. Но людям это тоже нравилось. Сельская молодёжь даже копировала в разговорах всякие романтические фразочки из фильма. Типа: «Маркиза, я от любви горю, как папироса, соблаговолите потушить меня поцелуями!»

А малышня и того подавно – беспощадно истребляла лопухи своими воображаемыми саблями, чаще всего сделанными из сломанных черенков лопат.

Серёжа даже не успел толком попрощаться с друзьями, мама, вся на нервах, приехала в деревню на электричке в обед, а уже вечером они стояли в забитом вагоне такой же электрички. Его подташнивало, а мама как-то безнадёжно смотрела в тёмное окно на своё отражение. Марина Юрьевна накануне въехала в свою комнату в двухкомнатной коммуналке, и мир, конечно, для неё ощутимо изменился.

Частью этого изменения стал двенадцатилетний Серёжа. Его папой, по словам мамы, был советский разведчик, который в условиях глубочайшей конспирации, под чужим именем нёс идеалы Коммунистической партии в тёмные головы западных обывателей. Разумеется, у него был пистолет. Тёмный или блестящий, мама толком не помнила. Но Серёжа свято верил, что однажды, когда он тоже будет советским разведчиком, а может быть, и резидентом, после кровопролитной погони он встретится с отцом в каком-нибудь тёмном уголке старого фашистского кладбища для передачи сверхсекретных данных. Раненый, пахнувший бензином и порохом

отец обнимет его и скажет: «Беги, сынок, я уже пожил!» – и сожмёт в руке упомянутый пистолет.

Вот что рассказал Серёжа, когда мама познакомила его с пожилой соседкой по коммуналке Лилией Ивановной. «Понятно», – сказала она, прикуривая очередную папиросу, и выразительно взглянула на маму, отчего та смутилась и пошла в свою комнату плакать.

Утром следующего дня Серёжа Ежов стоял перед одно-руким жилистым дядькой Павлом Николаевичем – инвалидом-завучем.

– Ничего не бойся, – перекрикивая вопли детей, пробегающих мимо, напутствовал Павел Николаевич Серёжу. – Там тоже дети советские. Тем более район у нас пролетарский, обиду в себе держать не привыкли. Тушино – звучит гордо! – И толкнул его в класс.

Шёл урок литературы. Урок вела Лариса Ивановна – женщина немолодая, но не терпящая, чтобы ей об этом напоминали, и влюблённая в свой предмет. Литература заменила ей личную жизнь. Она считала своей главной задачей то же самое проделать с жизнями своих учеников, но школьная текучка не позволяла ей этого в полной мере. Половина педагогического коллектива, большей частью состоящая из одиноких женщин, относилась к своим обязанностям не менее ответственно.

– Почему ты молчишь? – спросила учительница у мальчика, застывшего в центре класса с портфелем в руках.

– Я не знаю, что надо говорить, – признался он.

– Назови своё имя, фамилию и возраст, – предложила Лариса Ивановна и представилась сама: – Вот я – Лариса Ивановна Володина, мне сорок, сука, лет! А тебе сколько?

– Мне двенадцать, – понял задачу Серёжа. – Я Серёжа Ежов, мне двенадцать лет, в декабре тринадцать будет.

– Садись вон туда, – указала линейкой в дальний угол класса учительница, – к Жабину. Он один сидит.

Мальчик послушно выполнил её распоряжение и сел за парту, на которую она ему указала. Вытащил из портфеля и разложил на парте пенал и учебники. Плотного телосложения мальчик рядом первым протянул ему руку и шёпотом представился:

– Андрей Николаевич.

– Серёжа Ежов, Сергей Эдуардович Ежов, – с приветливой готовностью откликнулся Серёжа.

– Если меня по-другому звать будешь, я тебе зубы выбью, – неожиданно хмуро добавил сосед, – только Андрей Николаевич Жабин!

– Андрей Николаевич Жабин, но так же длинно! – удивился мальчик.

– Ничего, зато уважать будут. Хотя, конечно, длинно. Ладно! – Жабин махнул рукой. – Зови меня просто Андрей! Хо-

чешь – Андрюха!

– Спасибо! – поблагодарил Серёжа. – И ты меня, как хочешь, зови! Как удобно.

– Ладно. Я буду тебя звать Дрищ. Вон ты какой дрищ! – оскалился Жабин, и Серёжа, кажется, понял, почему Андрей сидел один.

На перемене его подозрения подтвердили комсорг класса Хольда Перова по кличке Принцесса, потому что у неё папа был глава района, и находящийся у неё на исправлении Борька Пророк. Борька разбил классный аквариум и два раза прогулял урок физкультуры. За это директор школы хотела его вообще из школы выгнать, но только зарождающаяся в их шестом классе комсомольская организация в лице Хольды – первой комсомолки – спасла мальчишку от этой суровой кары.

В первом классе Принцесса чуть не умерла – её сбил поезд. Девочка постоянно лежала в больнице и три раза оставалась на второй год. Поэтому, в отличие от всех своих одноклассников, по возрасту вполне подходила для комсомола. Да и человек, видимо, она была очень хороший, а если её кто и не любил, то боялся. Хольда ходила на стадион, в секцию хоккея на траве, и у неё было что предъявить любому хулигану. А с учётом, что в Тушино весь женский род традиционно боготворили, Хольда могла вообще никого не бояться. Однажды хулиган Славка из дома на улице Яна Райниса напился

по поводу победы нашей хоккейной сборной над канадцами и вырвал трамвайную рельсу на повороте к седьмой детской больнице. Принцесса нашла его, убедила вернуть рельсу на место и выправить, чтобы трамваи и дальше могли людей по утрам на работу развозить. Славка её послушал, извинился и рельсу как-то назад поставил. К нему быстренько со дворов пацаны подтянулись, трактор в соседней деревне надыбали. Хотя, конечно, очередное уголовное дело на него завели. Но он этого не боялся.

Славка ждал, когда труп Толика Колокола за гаражами найдут и убийство свалят на него. Он хоть и не убивал, но сдать того человека не мог по понятиям. Да и Толик последнее время «уплывал за берега» болезненно для всего района. Взял и своей девке ухо отрезал, а она – дочка начальника отдела милиции соседнего района. Чтобы не ссориться, Толика порешили, а сидеть выходило Славке. В этом настроении его и застала Хольда. Славка изумился мужеству шестиклассницы и с тех пор сердцем к ней прикипел. А когда его через год освободили, потому что сел тот, кому положено, Славка всему району дал понять, что Перова правильный человек и хулиганы должны её беречь и слушаться.

Родителям девочки – людям глубоко порядочным, членам партии – Николаю Афанасьевичу и его верной, вот уже тридцать лет, спутнице жизни Елизавете Гавриловне эта романтика совсем не нравилась. Но они зря опасались – Хольда честно несла сначала гордое имя пионерки, потом и комс-

орга, хотя по умственному развитию умилительно соответствовала шестому классу, по возрасту должна была учиться в восьмом, а по внешнему виду удалась лучше некуда, так что парни себе шеи сворачивали, когда она поздней весной в школьной форме с ранцем по улице шла. Это идеально подходило для воспитательной работы, и девочка принимала самое активное участие в жизни несознательных школьников, попутно вступая с ними в дружбу, как с Борькой Пророком. Плюс ко всему Борька был в Принцессу влюблён и однажды на уроке химии учебной серной кислотой выжег у себя на запястье букву «О».

– Ты с Андрюхой осторожней, – предупредила на перемене Хольда новенького, – Жаба противный чувак! Он у всех деньги меняет.

– На что меняет? – поинтересовался Серёжа.

– На всё, – вклинился в разговор Борька. – У него даже колода с голыми бабами есть. И сигареты старшеклассникам он продаёт. У него папка дальнобойщик. В ГДР гоняет. Туда-сюда!

– Зачем ему столько денег? – удивился Серёжа.

– Говорят, что он хочет свой магазин открыть, – ответила комсорг.

– Как так?! – растерялся мальчик. – Разве можно свой магазин?

– Не знаю, – пожала плечами Хольда. – Типа сам делаешь

и потом в своём магазине продаёшь. Как на рынке. Огурцы вырастил и продал. Или кабачки.

– Понял, – кивнул новенький и на следующем уроке шепнул деловому соседу: – Я тоже каждое лето с бабушкой картошку копал. Мозоли в кровь.

– Какую картошку? Какие мозоли? – неожиданно вскипел Андрюха. – Ты дурак, что ли?

Серёжа дико на него обиделся и ногой спихнул грубияна со стула, отчего тот загремел в проход и сильно ударился головой. Так, что даже из рассечённой брови кровь пошла.

– В принципе, ты прав, но в следующий раз попробуй сначала поговорить, – посоветовала ему Принцесса, когда Серёжа дожидался маму из кабинета завуча.

Завуч что-то громко говорил за дверью, мама иногда тоже, но значительно тише. Ещё в кабинете была приглашённая завучем врачиха.

Всю обратную дорогу мама молчала, а дома посадила сына на диван и сказала:

– У меня никакой жизни нормальной нет, и у тебя не будет, если ты так себя будешь вести. Мы здесь с тобой чужие пока, сынок. И никакой ты не гидроцефал. Это наследственное. У твоего дедушки тоже была очень большая голова, хоть он читать и не умел.

Потом мама разрешила подключить к розетке купленный

ею проигрыватель «Юность». Пластинка пока была одна. С четырьмя песнями Высоцкого. Особенно Серёже нравилась песня про коней, которые несли Владимира Семёновича к самому краю пропасти, а он отчаянно этого не хотел, но и не сопротивлялся особо.

На следующий день после уроков Хольда и Борька дожидались его за школой, у дырки в массивном чугунном заборе.

– Пойдёшь с нами плот строить? – с ходу предложил Пророк.

– Конечно, пойду, – обрадовался мальчишка. – Только я быстро портфель домой занесу и переоденусь.

– Добро, – похвалила его за понятливость девочка. – Мы тебя здесь ждём.

Серёжа бегом побежал домой. У его подъезда на двух табуретках стоял гроб, обитый блестящим бордовым сатином, в гробу мирно покоилась сухая старушка. Её живые подруги сбились в кучку под козырьком подъезда. К ним неторопливо подтягивались музыканты из духового оркестра, в одинаковых мятых чёрных костюмах.

Мальчишка прошмыгнул между живо скорбящими между собой старушками и побежал по лестнице домой, где быстро переоделся и съел оставленный мамой бульон с курочкой и вермишелью. Ел он на кухне, за своим столом. У окна стояла Лилия Ивановна и смотрела вниз на гроб. Смотрела и говорила вслух:

– Вот, Тamarочка, и всё! Николаич тебя уже жаждался. Чего тянула? В пансионат даже ездила! Не тот сейчас дух в людях! Помирать не хотят.

Серёжа помыл за собой посуду и побежал обратно к друзьям. Звуки похоронного марша его застали на лестнице. Мальчик даже прыгал через ступеньки им в такт. Это его в конце концов и подвело. Ожидаемо, в нужный момент большие медные тарелки не соприкоснулись, Серёжа растерялся, оступился и покатился сквозь входную дверь прямо к табуретам, на которых стоял гроб. Один табурет он выбил, гроб перекосило, и покойница с жалобным шуршанием выскользнула из гроба прямо на асфальт. Вслед за старушкой из гроба высыпалась целая охапка орденов и медалей. Видимо, подруги, собиравшие Тамару в последний путь, не решились украшать её чёрное платье наградами прошлого и положили их просто у изголовья.

– Пошёл отсюда! – рыкнул на него дирижёр и принялся собирать награды, трубач и барабанщик вернули тело в гроб, а старушки быстро всё почистили и прибрали.

Уже подходя к школе, Серёжа нащупал в кармане своей куртки какой-то довольно увесистый предмет. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это орден Красной Звезды, отделанный характерной бурой, как запёкшаяся кровь,

эмалью и с серебрённым красноармейцем в центре.

Видимо, в общей кутерьме орден как-то угодил мальчику в карман. Серёжа повернулся и побежал обратно вернуть орден, чтобы никто не подумал, что он его украл. Однако, когда он добрался до дома, у подъезда уже никого не было. Разве только табуретки всё ещё стояли на своём месте.

– Где?! – обратился к проходящей мимо старушке Серёжа.

– Всё! – махнула та рукой. – Уже нигде! И родных у неё не было.

Когда мальчик вернулся к друзьям, он им тут же всё рассказал и показал орден.

– Обалдеть! – восхитилась Хольда. – Это же орден Красной Звезды! Настоящий!

– Вот так в истории всё происходит! – затараторил Борька. – Мы тут обсуждали, что для борьбы с живодёрами и другим злом нужно создать тайную ячейку или даже рыцарский орден. И вдруг ты орден принёс!

– Мы можем назваться ОКЗ – Орден Красной или Кровавой Звезды. Нет, лучше Красной! – вдохновенно предложила девочка.

– Жабин с дружкой хотят котят в пруду утопить, – поведал Пророк. – Для этого нам орден и понадобился.

– Давайте на нём поклянёмся, что не допустим, не простим издевательств над природой?! – предложила Принцес-

са.

– И кровью подпишемся! – подхватил Борька, копаясь в карманах и извлекая на свет старенький перочинный ножик. – Кто первый клянётся?

– Хотите – я?! – вытянул вперёд руку со звездой Серёжа. – Клянусь!

Борька с маху рубанул перочинным ножом по его запястью и так глубоко порезал, что на асфальт хлынула жирная венозная кровь, а Серёжа потерял сознание, хотя в самое-самое последнее мгновение успел мазнуть кровью по ордену.

Потом было всё, что бывает в таких случаях, – медпункт, мама, отпросившаяся с работы, подруги мамы, приехавшие вечером поддержать её тремя бутылочками «Медвежьей крови», а утром сначала поход в медпункт на осмотр, потом по направлению завуча длинная поездка на автобусе в особое медицинское учреждение, к невропатологу.

Тот оказался весёлым старичком с молоточком в руке. Он постучал Серёже сначала по одному колену, потом по другому и спросил:

– Ты зачем так сделал?

– Клялся Ордену Красной Звезды, – честно признался мальчик, предварительно наученный мамой, что говорить нужно всю правду.

– Ордену Красной Звезды?! – недоумённо повторил доктор и некоторое время молча высматривал что-то на потолке. Наконец он оторвал взгляд от старой, в паутине бесчислен-

ных трещин побелки и строго сказал маме: – Скорее всего, это гидроцефалия, но в наших краях она у каждого третьего. Беспокоиться не стоит. У моей сестры двойняшки родились с таким же диагнозом, я, когда к ней в деревню приезжаю, с заряженным ружьём сплю. Но, с другой стороны, жизнь, слава Богу, одна! – Потом он словно очнулся: – Я вам сейчас рецепт один выпишу. Пропейте, и всё пройдёт.

На обратном пути мама не выдержала и сказала:

– Не нужно никаких тебе таблеток пить, иначе тоже с ружьём спать будешь.

Потом мама поехала на работу, а мальчик домой. Его верные друзья – Хольда и Борька – ждали у подъезда.

– Как ты? – деликатно поинтересовалась комсорг.

– Не привыкать! – лихо ответил он.

– Про меня сказал кому? – спросил у него Борька.

– Никому, – уверил его Серёжа.

– Это хорошо! – обрадовался мальчишка и предложил: – Айда на шестом трамвае до больницы, а потом через Усадьбу на Яму? Кое-что покажем!

– Не бойся, – подбодрила Серёжу Принцесса. – Мы с Борькой от школы там всегда на субботниках листья собираем и жжём. Хоть настоящее Тушино посмотришь.

Очарованный перспективой познакомиться наконец с краями, в которых ему, скорее всего, придётся прожить всю жизнь, Серёжа поддался на уговоры и пошёл с ребятами.

Через двадцать минут они стояли перед ржавыми коваными воротами, за которыми виднелся парадный фасад старинного особняка с заколоченными фанерой окнами. Хольда распахнула одну створку ворот, впуская друзей на территорию.

– Кто здесь жил раньше? – поинтересовался Серёжа.

– Графиня одна, гулящая, – удовлетворил его любопытство Борька. – А там дальше, через дорогу – Яма. Сильное место. Внизу дырка в земле от метеорита, поэтому так называется, наверное.

– Не дырка, а кратер. Хотя ещё говорят, там раньше церковь стояла, однажды туда путники пришли, поп их не пустил, и они в болоте утонули, а последний церковь проклял, и она под землю ушла. Хотя, конечно, скорее метеорит, – уточнила девочка. – Мы туда и пойдём, просто хотели, чтобы ты и усадьбу увидел.

Дети обошли особняк стороной и по едва заметной тропинке, петляющей сквозь густой орешник, спустились с холма, на котором величественно покоился фундамент усадьбы, и зашагали вдоль берега реки Сходни, пока не добрались до оврага.

Овраг был круглый и действительно напоминал воронку от взрыва или кратер, но плотная поросль низкорослой колючей жимолости не позволяла точно определить его происхождение. В воздухе пахло гарью, хотя рядом вроде ничего

не горело.

– Чуешь?! – загадочно поинтересовалась у новенького Хольда.

– Горит чего-то! – кивнул тот.

– Нет, просто прямо под нами ад! – засмеялась девочка.

– В каком смысле? – не понял Серёжа.

– В прямом! – объяснил ему Пророк. – Здесь самая граница. Метеорит пробил. Так люди говорят.

– И чего? Здесь упал? – оглядываясь по сторонам, уточнил Серёжа.

– Подожди, – уверил его Борька, забираясь на выброшенный кем-то прямо посреди воронки старый холодильник, – тут понять надо!

– Чего понять? – не понял Серёжа.

– Згу, – серьёзно пояснила девочка.

– Это что такое? Ругаешься? – огорчился мальчик.

– Я комсомолка! Мы не материмся! – гордо напомнила ему Принцесса. – Название такое дурацкое. Означает тип-а звездочка, огонёк, искорка. Вспышка. Слышал: не зги не видно? Вот она – зга. Как-то так... Ну, близко...

– Из песни слов не выкинешь, – вставил в объяснение Борька, – название дрянь! Но другого нет.

– Название чего? – продолжил недоумевать Серёжа.

– Нельзя объяснить. Только переживается, – как-то не совсем ясно продолжила объяснять комсорг, но, очевидно понимая, что толку от её объяснений точно не будет, предложи-

ла: – Закрой глаза, выдохни и, сколько можно, не дыши. Тогда всё поймёшь.

Серёжа зажмурился, выдохнул и замер. Поначалу ничего не случилось, но по мере того, как организм начинал томиться без кислорода, мальчик ощутил прилив необычайной любви ко всему сущему. Даже не любви, а слияния каждого атома своего тела с каждым атомом мироздания. Свою общую историю, пережитую с каждым проявлением жизни в течение всех времён, сколько эта жизнь существовала. Эта великая сопричастность и называлась местными жителями «зга». Из факта её наличия происходило бесчисленное множество условностей, которые следовало соблюдать, чтобы сопричастность сохранялась всегда.

– Ух ты! – наконец не выдержал мальчик и вдохнул воздух.

– Понял, головастый? – радостно взглянул на него Борька.
– Ещё как понял! – кивнул он. – Правда, искры в глазах!
– Из глаз, – поправила его Хольда и добавила: – Иногда от Ямы зов идёт. Тогда здесь все кошки и коты с района собираются и орут. В любое время года. А ещё у нас есть череп самого старого человека Москвы, – добавила девочка, довольная произведённым на новичка впечатлением. – Когда дамбу строили, много черепов нашли. Археологи сказали, что это ещё мамонты жили. Нам домой дедушка принёс череп, а у наших соседей аж три штуки. Их дедушка на строительстве

Сходненской ГЭС инженером был.

– Да у кого этого нет! – махнул рукой Борька. – Раньше из них пепельницы делали. Такая у Лукича в котельной стоит. Может, сходим к нему? Молока отнесём. Ему для лёгких очень полезно.

– Поддерживаю, – согласилась Принцесса. – Наша комсомольская задача – не стать равнодушными. У меня деньги есть. На печенье тоже хватит.

Придерживаясь нового плана, два двенадцатилетних пионера и одна пятнадцатилетняя комсомолка зашли в ближайший продуктовый, купили пакет молока и триста грамм свежей халвы, а потом зашагали в котельную на очистительных сооружениях.

Пётр Лукич сидел на своём обычном пеньке у чёрной железной двери котельной. Легендарная пепельница из черепа стояла в ногах могучего, двух с гаком метрового старика, в прошлом бригадира портовых грузчиков, а он сам, одетый в потрёпанный спортивный костюм с эмблемой спортивного клуба «Крылья Советов», курил папиросу и напряжённо разгадывал кроссворд в газете. Вид кочегар имел опрятный, разве что спортивный костюм был немного мятый и седая щетина на лице. Не брился Лукич уже третий день, ровно с того дня, как его в последний раз жена выгнала. И выгнала-то она его не чтобы из-за баб или пьянки, а Лукич такие штуки вытворял, что даже участковый Бродягин не понимал, как

их в протоколе записать. Однажды Лукич пришёл к замминистра лёгкой промышленности в квартиру на Туристской и отлупил его лыжной палкой. Тот, правда, заявлять не стал, потому что Лукич во время Второй мировой с его отцом служил. Их двое в живых-то из взвода и осталось. Но зато остановили вражеское наступление. Лилия Ивановна говорила, что замминистра взятку взял, а Лукич узнал.

Выгоняла жена старика обычно ненадолго, и у неё тут же на квартире собиралась компания строгих женщин со всего района. Они закрывались на квартире и чего-то делали. Ходили слухи, что они молились.

– Здравствуйте, дедушка Петя! Мы вам молока и халвы принесли! – издали поприветствовала его комсорг.

– Привет, Принцесса! – улыбнулся Лукич. – Зря вы деньги тратили! Лучше бы на глобус накопили.

– У нас есть в классе глобус, Лукич, – сообщил Борька, присаживаясь рядом со стариком. – Вот, – он показал на Серёжу, – у нас новенький. На прошлой неделе к нам из деревни переехал.

– Деревенский, значит? – с любопытством взглянул на мальчика Пётр Лукич. – Хорошо, что деревенский. Быстро у нас приживёшься. Мы тут тоже деревенские. По сути. По прописке – коренные москвичи, кореннее некуда. – И старик потушил окурок папиросы об пепельницу из доисторического черепа. – Вот тому живое подтверждение – самый старый

житель Москвы.

– Папа говорит, что самый старый у нас на шкафу стоит! – не согласился Борька.

– А разница какая? – махнул рукой Лукич. – Сто лет туда, сто лет обратно... Когда счёт на сотни тысяч. Масштаб стирает разницу!

Кочегар взял из рук девочки пакет с молоком, надорвал зубами край и принялся пить.

– Дедушка, а вы чего-нибудь сегодня жечь будете? – спросила Хольда.

– Да не собирался, – оторвался от пакета Лукич. – Вы бы в среду зашли. Я мёртвых кошек из ветеринарной больницы жёг.

– Фу! Кошки! – брезгливо сморщилась девочка.

– Зря ты так! – мудро наставил её старик. – Взгляни на это иначе: государство не на свалку гнить животных отправило, а по самому высшему разряду – на антраците! По зге! – Он повернулся к Серёже и спросил: – Ты бы как хотел, чтобы тебя похоронили?

– Не знаю, – растерялся мальчик.

– Так подумай, – посоветовал Пётр Лукич. – В Священном Писании говорится: никто не знает сроков. Нужно к этому мероприятию по-пионерски ответственно подойти. Стих прощальный, предположим.

Рисунок голубя мира на слепленной своими руками тарелке.

– Подумаю, – пообещал ребёнок.

– Не затягивай, – одобрительно погладил его по голове шершавой ладонью Пётр Лукич и обратился к Борьке: – Папка из запоя вышел?

– Уже второй день, – кивнул тот. – Кефиром восстанавливается. Ему долго пить нельзя. Он космический корабль делает. Уволят, если пьющий.

– Какой космический корабль? – поинтересовался у него Серёжа.

– Известно какой – для полётов на Марс! – гордо ответил тот. – Вот приехал бы ты на полгода пораньше. Перед майскими участковый всех обошёл и предупредил, что в полночь на улицу из окна смотреть не рекомендуется. Само собой, никто и не уснул раньше. И видели – огромный такой! На толстый самолёт похож! Не труба, в которой Гагарин летал. Три тягача волокли платформу.

– «Буран» называется, – подтвердила его слова девочка.

– Ух ты! – восхитился Серёжа. – Можно потом будет на него посмотреть?

– Само собой! – пообещала Хольда. – Лучше в воскресенье вечером. Охраны меньше. Иначе застрелить могут. Хотя вряд ли. По ногам обычно сначала стреляют.

– Ладно, – согласился на воскресенье мальчик, но спросил: – Ведь можно незаметно посмотреть?

– Как повезёт, – пожала плечами комсорг.

Лукич прикурил новую папиросу и сказал:

– За молоко, детки, спасибо. Халву с собой забирайте. Халва для моего желудка тяжеловата будет. Сами покушайте. И по вечерам на Лодочной поосторожнее, опять какой-то хрен по крышам бродит. Идите с Богом!

Ребята не стали возражать. Свой общественный долг они выполнили – ветерану молока принесли, можно было возвращаться домой. Тем более что уже стемнело и скоро могла вернуться с работы Серёжина мама, да и Борькина мама не поощряла поздние гулянки. Только Принцесса ничего не боялась. Её родители привыкли, что их дочь часто по ночам выполняла разные комсомольские поручения.

Они шли в тёплом сумраке, мимо наполненных жёлтым светом фонарей на столбах и то и дело заглядывали в окна домов, стоящих по обе стороны дороги. Свет зажигался то в одном окне, то в другом. Где-то пили чай на кухнях. Где-то включали телевизоры, отчего потолки мерцали голубыми проблесками. В некоторых окнах торчали головы любопытных старушек, жадно проживающих старыми глазами всё, что происходило у них под домом.

В своей квартире мальчик оказался на несколько минут раньше мамы. Перед этим он попрощался с друзьями, договорившись встретиться завтра после уроков.

Мама быстро поела сама, покормила его остатками куриного бульона и села перед телевизором.

– Пьехи концерт через десять минут будет, – сообщила

добрая женщина ребёнку. – Если хочешь, можешь со мной посмотреть, а уроки попозже сделаешь.

– Она кто? – заинтересовался Серёжа.

– Она из Франции приехала к нам жить и запела, – проинформировала мама. – Носит самые модные платья. Хочу приглядеться и лекало с одного сделать. Мастеру в пошивочном цеху покажу. Если ткань выделит, то сошью как образец. Вдруг примут? Дадут премию, и мы с тобой тогда летом поедem на море, в Анапу. Да, вот ещё, – подняла кверху указательный палец, акцентируя Серёжино внимание, – завтра к нам в гости придёт дядя Володя. Мы посидим, чаю попьём. Мы с дядей Володиём в одном классе учились. И тут прямо в магазине встретились. Понял? Веди себя прилично. Дядя Володя – инженер-физик.

Через два дома от них Борька помогал отцу обивать балкон новой фанерой. Старая совсем уже сгнила. Прикрываясь домашними заботами, Александр Анатольевич то и дело отхлёбывал из кефирной бутылки, заблаговременно для этого подготовленной, залитый в неё портвейн. Мама Борьки Полина Ивановна на тот момент гладила бельё и тоже смотрела по телевизору Эдиту Пьеху.

– Может, не надо? – кивнув на бутылку, то ли спросил, то ли посоветовал мальчик отцу, когда тот сделал очередной глоток.

– Так мне только давление выровнять, сегодня пришлось голову поломать над схемами, да и дрищет меня от кефира, – неловко оправдался тот.

– Мама заметит, – предупредил сын.

– Не заметит. Я треть стакана воды с керосином хлебну. Скажу – случайно, – поделился отец, – не пронюхаешь! А что поведёт в разные стороны, так это последствия предыдущей гулянки и бытового отравления будут. Не бойся!

– Схемы для космического корабля? – поинтересовался Борька.

– Для него, родного! Но больше сказать ничего не смогу – государственная тайна, – признался Александр Анатольевич.

– А люди на нём на Марс полетят? – всё-таки не сдержал любопытства мальчик.

– Гипотетически могут, – подумав, ответил родитель и сделал ещё один глоток из кефирной бутылки. – Есть там такой отсек. Биоинженерный. В нём коза и кролики полетят. Для регистрации уровня нагрузки от перегрузки. Только отсек перед взлётом намертво заварят.

– Саша! – раздался женский голос. – Посмотри, пожалуйста, что у меня с утюгом. Не греет.

– Ох ты ж! – сильно встревожился Александр Анатольевич, спрятал под листами старой фанеры кефирную бутылку и взял с подоконника стакан с керосиновой водой. Зажмурился и выпил.

Поначалу он очумело таращился на стакан, потом открыл рот и прохрипел:

– Хана мне, Борька! До сердца прожгло!

После этих слов Александр Анатольевич предпринял попытку встать с корточек на ноги, но силы его подвели и он завалился набок. У него изо рта пошла пена.

Борька страшно перепугался и закричал:

– Мама, папа керосин выпил и умер!

Полина Ивановна немедленно примчалась на зов, произвела осмотр бесчувственного тела мужа, попробовала его привести в чувства двумя звонкими пощёчинами, но когда поняла, что это не помогает, побежала звонить «03». Сначала там долго не брали трубку, потом не хотели ехать, но женщина убедила медиков, и уже через десять минут у подъезда стояла машина скорой помощи. Очень толстая врачиха долго поднималась на четвёртый этаж, потом долго осматривала Александра Анатольевича, мерила ему давление, лазила ложкой к нему в рот и слушала стетоскопом сердцебиение.

– Отравление! – наконец вынесла она вердикт.

– Конечно, отравление – он керосин выпил! Но что делать-то? – спросила Полина Ивановна.

– Госпитализировать надо, только я его вниз не потащу, а фельдшер сегодня не вышел, – сообщила врачиха и посоветовала: – Соседей позовите. Помогут его до машины...

– Соседей? – задумалась мама и приказала Борьке: – Беги

к цыганам из сороковой. У них там всегда мужиков полно.

Мальчик спустился на два этажа ниже и постучался в квартиру слева, наискосок от лестницы. Ему открыла пятилетняя Вика и, ничего не спрашивая, запустила в квартиру.

– Тётя Желя! Тётя Желя?! – позвал Борька, оказавшись внутри, и осмотрелся.

У цыганской семьи Антокольских жизнь проистекала в обычном ключе. Старший сын Ангелины Яковлевны со своими двумя сыновьями, возрастом шести и семи лет, плели из разноцветных проводов браслеты, которые потом их папа продавал хулиганам и девчонкам. Средний сын укачивал своего грудного, пока единственного ребёнка, а его жена с женой старшего брата стирали бельё. Дочка Роза делала домашнее задание за столом. В углу большой комнаты, под портретами Жукова и Шаяпина, сидел в глубоком кресле дедушка Яша. Он курил трубку и стерёг гитару, потому что после девяти играть по закону не полагалось, а дедушка закон очень ценил, так как трижды по пять лет сидел в тюрьме за воровство и разбой.

– После девяти не полагается! – говорил дедушка Яша и грозил кому-то в углу узловатым указательным пальцем.

Ангелина Яковлевна появилась с кухни, вытирая руки о зелёный передник.

– Чего тебе? – спросила она у Борьки.

– Мама просит помочь, – объяснил он. – Папу вырубило

от керосина, а она его с врачихой до машины не дотащит.

– Янек, Милош, помогите! – приказала старая цыганка сыновьям.

Пока цыгане несли пострадавшего от конспирации вниз, Полина Ивановна судорожно искала паспорт мужа и собирала сумку.

– Я поеду с папой, а ты всё время рядом с телефоном будь, – сказала она Борьке и уехала с папой в больницу.

Борька остался в квартире один. Поначалу он хорохорился, но потом немного испугался, особенно когда услышал за дверью голоса цыган.

– Кроме пацана, никого дома нет, – сказал один голос. – Можно его зарезать и квартиру обворовать.

– А чего мы маме скажем? Она с Полиной Ивановой сильно дружит! – возразил ему другой голос. – Пойдём уже. Резальщик!

Голоса захохотали и затихли. Потом наверху хлопнула дверь. Борька облегчённо вздохнул и вернулся в большую комнату. По телевизору всё ещё показывали Эдиту Пьеху. Мальчик пощёлкал ручкой переключения каналов и сразу же на кино попал. Фильм был про очень голосистую деваху из Сибири, которую все обманывали, а она ещё громче пела, пока не влюбилась и голос не потеряла.

Мама позвонила уже под утро и сообщила, что папу спас-

ли и они придут домой, как только метро откроется.

Уставшая мама и еле живой папа сидели на скамейке у метро «Октябрьское поле».

– Попить бы чего, – хрипло попросил Александр Анатольевич.

Полина Ивановна молча извлекла из сумки треугольный пакет молока и протянула мужу. Тот зубами отгрыз край пакета и сделал большой глоток, а потом признался:

– Я керосину выпил, потому что не хотел, чтобы ты портвейн учуяла. Опять я сорвался. Стыдно ужасно,

– Какой же ты дубина! – ужаснулась женщина. – Ты же умереть мог!

– Я всего-то грамм пятьдесят керосину на сто воды! Думал – просто запах собьёт, – вздохнул Александр Анатольевич.

– Уж лучше бы портвейну выпил, к чему такие жестокости?! – разжалобилась его несчастным видом Полина Ивановна и крепко прижала к себе.

От такого женского любовного благородства мужчина ещё больше истерзался:

– Пропавший я человек, Поля! Пропавший! Кабы не эти приработки с Брунksom, мне хоть в петлю! Помнишь, мы с тобой где-то здесь от участкового прятались? Когда статую в парке повалили?

– Помню, – кивнула она. – Ты в белой рубашке был, а я тебя случайно томатным соком облила.

– Не случайно, – преодолевая боль, хитро сощурился Александр Анатольевич.

– Нечего было! По локоть руку мне в трусы засунул! – напомнила Полина Ивановна.

– Так любовь! Хуже пьянства башку сносит! – попытался оправдаться муж.

– Хуже пьянства ничего нет! – категорично постановила супруга и поднялась со скамейки. – Пошли. Сейчас откроют уже! Тебе на работу через два часа.

Произошедшие в следующие несколько дней события ещё больше сдружили Серёжу, Борю и Хольду. Ну, во-первых, они участвовали в слежке за американским шпионом, который жил в доме девочки. В том, что это был американский шпион, сомнений не было. Зимой 1984-го сотрудника КГБ, который следил за шпионом, избил бдительный житель. Сотрудник следил за шпионом из подъезда соседнего дома, в бинокль. Бдительному жителю про него рассказал сантехник, который по работе часто в этом подъезде бывал. Бдительному жителю было двадцать шесть лет, он служил в ВДВ и только-только женился. А жена его имела привычку по квартире голой ходить. Вот бдительный житель и решил, что сотрудник КГБ подглядывал за его женой. Подглядывать за чужими жёнами в Тушино было западло.

Бдительный житель пошёл напрямик к сотруднику КГБ и сказал:

– Что?! Сиськами чужими любимся в бинокль?! Не по зге, братан!

– Вот моё удостоверение! – ткнул ему в лицо пурпурной «корочкой» с золотым гербом сотрудник.

– Я тебе сейчас это удостоверение в жопу засуну! Мне какая разница – с удостоверением на мою голую жену пялятся или без удостоверения?! – отказался ему верить бдительный житель и устроил с ним настоящий бой.

Местные бабки их кипятком разливали. Сцепились, словно коты. Душили друг друга. Попозже они разобрались, что это недоразумение, и даже подружились. Сотрудник рассказал, что следил за американским шпионом, а за женой бдительного жителя не подглядывал ни в коем случае. Так тушинцы узнали, что у них живёт американский шпион. И хотя его зовут Павел Павлович Павлов, у него ещё настоящее имя есть – Чарльз Броуди-младший. Когда он узнал от бабок, что его раскрыли, он послал к себе в американскую разведку прошение, чтобы уволили. Его уволили, и он перестал скрываться. На вечере в доме культуры «Победа», посвящённом 8 Марта, он рассказал со сцены свою тайну и даже спел сатирические куплеты про американскую разведку. Но поскольку КГБ его никак не арестовывало, да и сотрудник КГБ никуда не делся, тушинцы стали сомневаться. Одни говорили, что он, как овдовел, разумом помутился, другие уверяли, что он настоящий шпион, только произошла парадоксальная «вилка» – в Америке его понарошку уволили, но КГБ догадался

и продолжил наблюдение. Сам Чарльз любил после работы, а он вёл во Дворце культуры кружок по авиамоделированию, зайти в кафе «Рыцарь» на улице Панфиловцев и побеседовать с другими мужчинами.

– Платят-то американским шпионам нормально? – интересовались мужчины.

– Под триста рубликов на наши, точнее, на ваши, – честно информировал американский шпион, заказывая себе пиво. – Только платили, пока меня не разоблачили и я в отставку не подал.

– У! У! Чего тебе не сиделось с такими деньгами?! – недоумевали мужчины. – Всё равно разоблачили!

– Неудобно как-то, – пожимал плечами Чарльз, – не людски! Мы, Броди, ещё со времён Вильгельма Завоевателя свой род ведём и строго соблюдаем приличия.

– Согласны, не по зге, – соглашались с ним тушинцы, тоже в историческом смысле толк имеющие, поскольку если где и устраивался кипиш, так это в Тушино, а предки собеседников Чарльза в каком-нибудь из них обязательно за тысячу лет да участвовали.

А ещё Чарльз то ли от скуки, то ли от одиночества завёл себе семь собак и тринадцать кошек.

– Весь подъезд насквозь проссали! – ругались на животных бабки.

Но шпион на них не обижался, сам два раза в неделю мыл подъезд с хлоркой, от чего бабкам глаза ело, но они на это не жаловались, поскольку бесплатная гигиена – вещь, большинству недоступная.

И вот, в субботу Серёжа, Борька и Хольда пошли в Алёшкинский лес осиные гнёзда жечь и наткнулись на Чарльза. Первой его заметила зоркая Принцесса. Шпион крался зарослями орешника по склону холма, который спускался к окружной дороге.

– Чего-то он там мудрит! – заметила девочка.

– Так он же шпион, вот и шпионит как может, – сказал Борька.

– Давайте за ним следить? – предложил Серёжа.

– Точно! – поддержала его Хольда. – Если он какую-нибудь государственную тайну передать хочет или преступление готовит, то мы ему не позволим.

– Нас медалями наградят и в «Артек» путёвки дадут, – обрадовался Пророк.

– Интересно, а можно, чтобы нас орденом Красной Звезды наградили? – задумался вслух Серёжа. – У меня уже есть.

– Вряд ли, – усомнилась Хольда. – Орден Красной Звезды нам за такую ерунду не дадут, это надо вражеский самолёт сбить или подводную лодку потопить как минимум. Тут только на медаль потянет. Чего мы тут думаем? Награда не главное. Пошли.

Дети осторожно двинулись вслед за Чарльзом. Их разде-

ляло приличное расстояние, так что быть замеченными они не боялись. Шпион выбрался из орешника и начал по склону спускаться к окружной дороге. У него в руках был большой свёрток. Определить точно, что было в свёртке, пока не представлялось возможным.

– Может, он дорогу заминировать хочет? – спросил Борька. – Может, по дороге скоро Генеральный Секретарь поедет, а шпион его и взорвёт.

– Может, – испугалась комсорг. – Этого допустить нельзя! Надо предотвратить!

– Как предотвратить? – не понял Серёжа.

– Пресечь на ранних стадиях, – пояснила девочка.

– Доской по башке сзади и взрывчатку отобрать! – тут же придумал Борька и поднял из-под ног кусок ржавой трубы.

– Это не доска! – засомневалась Хольда.

– Ну и что?! – настаивал тот. – Трубой даже надёжнее.

– Согласна, – кивнула Принцесса и сама подобрала с земли ещё один кусок трубы. – Надёжно надо. Без промаха. На раз-два. Ты слева, я справа.

Они, стараясь двигаться по-прежнему тихо, ускорили шаг.

Гул автомобильных моторов, стоявший над окружной дорогой, частично способствовал конспирации, и им удалось незаметно приблизиться к шпиону почти вплотную.

– Раз, два! – скомандовала комсорг, и они с Борькой обрушили ржавые трубы на голову Чарльза.

Мужчина гулко ухнул и обрушился на землю. Пакет выпал из его рук, распался, и на землю вывалились цветы.

– Это не динамит! – крикнул Борька, имея в виду цветы и бросаясь наутёк.

Хольда на мгновение застыла, приводя в порядок мысли, но тут шпион очнулся, повернулся к детям залитым кровью лицом и зарычал. Девочка тут же бросилась бежать вслед за товарищем. Чарльз поднялся на ноги, развёл руки в стороны и опять то ли зарычал, то ли застонал.

Серёжа хотел побежать за друзьями, но окровавленный шпион перегородил ему дорогу. Тогда мальчик бросился обратно к орешнику. Испуг и юность спасли его от неминуемой кары. Шпион попробовал его догнать и вновь упал, зацепившись за что-то ногой.

Серёжа отбежал на приличное расстояние, где ему ничего уже не угрожало, и обернулся. Чарльз вернулся к своему пакету, присел на колени и начал собирать цветы. Когда последний цветок был подобран и сложен обратно в пакет, мужчина достал из внутреннего кармана платок и вытер перепачканное кровью лицо. Потом он взял пакет и начал спускаться к дороге. На обочине он ещё раз остановился, чтобы перевести дыхание. Оглянулся по сторонам и, не заметив опасности, пошёл куда-то по обочине.

Преследовать Чарльза мальчик не решился. Умнее было

найти комсорга и Пророка, чтобы обсудить случившееся. Ребята его ждали на верху холма, у каменной беседки.

– После такого надо бы отдохнуть, – сказал Борька и вспомнил: – Цветы! Не было динамита!

– Пошли ко мне, – предложила Хольда. – Чаю попьем, телевизор посмотрим. Мама нас своими пирожками угостит. У нас недавно гости были. Полно осталось.

– А удобно? – засомневался Серёжа. – Заставят обувь снимать, а у меня носок с дыркой.

– Перестань! – успокоила его девочка. – Папу с мамой этим не удивишь. У меня самой постоянно носки с дыркой. Особенно после тренировки или тем более матча. Пошли?

– Пошли! – согласились ребята и направились к тропинке, которая выводила прямо к трамвайной остановке.

Скоро пришёл трамвай, на котором они добрались до Лодочной, где жила Принцесса. Родители действительно к внешнему виду не придирались и сразу отправили ребят ужинать на кухню. Мама Хольды Елизавета Гавриловна, женщина, в среде тушинских женщин более чем влиятельная и оттого обо всём осведомлённая, рассадила детей вокруг стола, потом покормила их гороховым супом на первое, щучьими котлетами на второе и, наконец, пирожками с брусникой на третье. Ребята так наелись, что одолели только по пирожку. Когда они уже доедали, девочка спросила:

– Мама, а зачем дядя Чарльз цветы носит к дороге? Мы его с пацанами случайно видели.

– У него десять лет назад там жену грузовик сбил, – рассказала Елизавета Гавриловна. – Тоскует мужик.

– Он же американский шпион?! – удивился Серёжа.

– И что?! – пожала плечами женщина. – Мужик – он всегда мужик. К слову сказать, это она его первой разоблачила. Он её любил, а она его, дрянь такая, расколола! Вот так вот грязные душонки когтями себе сердца рвут на куски! Воздуха ему не хватает! Морда сытая! Простите, – она смутилась и покинула кухню.

– Чего это она? – удивился Борька.

– У неё бывает, – объяснила девочка тихим голосом. – Это в медицине называется синдромом Туретта. Сейчас она в своей комнате заперётся и будет разные дикие вещи кричать. Это минут на десять, не больше. Папа уже куда только её на лечение не возил: и к академикам, и к бабкам, а толку нет. Она ладно, а нам чего делать?

– Надо бинты с йодом взять и туда возвращаться, – предложил Серёжа. – Никакого подрыва он делать не хотел, а мы его... трубами по голове. Вдруг он сознание потерял и лежит там, на склоне?

– Согласна! – поддержала его Хольда. – Могли и убить. Хотя я его по касательной.

Только кожу сбила точно. Вон кровящи сколько было!

– Если мы его убили, нас могут в тюрьму посадить, – осо-

знал Пророк. – В американскую! Ужас! Я тут же под поезд махану.

– Сплюнь! – осекла его комсорг. – Не должны. Но если убили, нас всё равно никто не видел. Хотя это, конечно, не совсем по-комсомольски.

– Неважно, – усовестил её Серёжа. – Нужно вернуться и всё проверить. Если живой, то мы его в больницу отнесём, если мёртвый, трубы с вашими отпечатками пальцев заберём.

– Соображаешь! – похвалила его девочка.

– Башка! – согласился с ней Борька.

Через полчаса они уже были у беседки на склоне.

– Вон! – указала вниз Хольда. – Впереди, у обочины! Где сток под дорогой!

Ребята пригляделись и правда увидели шпиона. Тот сидел на краю плиты, вкопанной у сливной трубы, и молча глядел на дорогу.

– Не убили! – облегчённо вздохнул Борька.

– Хорошо, что не убили! Иначе бы мог произойти дипломатический скандал, – раздался у них за спиной низкий мужской баритон.

Дети испуганно обернулись. У них за спиной стоял высокий мужчина средних лет, неопределённой, но приятной наружности, в сером плаще и с биноклем в руках.

– Мы думали, что он хочет дорогу взорвать, когда по ней

Генеральный Секретарь поедет, – немного осмелев, вышла вперёд Хольда. – Мы комсомольцы. Не все, правда.

– Не все, а только вы – Хольда Николаевна Перова, 1973 года рождения, проживающая по адресу: улица Лодочная, дом 4, квартира 31. Имя вам придумал дедушка, в честь немецкой богини смерти. Вам, кстати, идёт. Чуть не угрохали иностранца, – спокойно произнёс мужчина и посоветовал: – Шли бы вы, ребята, по домам.

– Согласна! – впечатлённая таким точным знанием о ней, тут же согласилась Принцесса и махнула своим друзьям: – Айда!

Серёжа и Борька не стали возражать и молча последовали её совету.

– КГБ – это сила! – уже когда они дошли до трамвайной остановки, первым подал голос Пророк. – Я, наверное, тоже в КГБ пойду служить.

– Да ну! – сморщилась Хольда. – По лесу с биноклем всю жизнь шастать!

– Ты девчонка. Не понимаешь! – вздохнул Борька. – Там не только с биноклем надо, но и пистолеты дают, и рации маленькие, чтобы в пачку сигарет помещались.

– Всё равно скучота! – сказала девочка, посмотрела на висящие над остановкой часы и добавила: – Мне через час на игру надо. У нас дружеский матч с девчонками из «Красного Балтийца».

– Коптевские! – с пониманием кивнул Борька и объяснил ничего не понявшему Серёже: – За нами войковские живут, а за войковскими – коптевские.

Вернувшись домой, Серёжа долго не мог открыть дверь, потому что, видимо, старуха-соседка закрыла её изнутри на цепочку. Но после десятого по счёту звонка дверь открыла мама в халате и с мокрой головой, которую она закутала в полотенце.

– Не слышала, мылась, – сообщила она. – Иди в комнату, там на столе сюрприз для тебя.

Мальчик быстро разулся и прошмыгнул в комнату. На столе лежал огромный карандаш с надписью «Таллин». Серёжа взял карандаш в руку и взвесил его. Карандаш весил добрые полкило как минимум.

Снаружи слышались какие-то голоса, раздался мамин смех и потом щёлкнул замок на входной двери. Мама вошла в комнату какая-то радостная. Она села на стул перед трюмо в углу, сняла с головы полотенце, распустила волосы, посмотрела на себя в зеркало и мечтательно произнесла:

– Когда-нибудь и мы увидим, как бьют часы Вана Томаса.

На данном жизненном этапе милая Марина Юрьевна находилась в упоительной надежде наконец обрести личное счастье. Многолетние встречи с женатым инженером-физиком ничего, кроме моральной усталости, не принесли. Вла-

димир грешил с ней и каялся жене. Потом опять грешил и опять каялся. Жене это опостылело, и она обратилась в партийную организацию мужа. Парторг научно-исследовательского института, где трудился физик, вызвал изменщика в свой кабинет и отлупил гнилого интеллигента брошюрованной статьёй Фридриха Энгельса по морде. Парторг был переведён в научную среду с Тихоокеанского флота и по-прежнему в душе оставался моряком. Он отлично понимал, к каким смятениям могут привести такие сюрпризы. На корабле, где он служил пятнадцать лет, один матрос вплавь отправился мстить своей невесте за измену, а корабль находился на тот момент ровно посередине океана, и матроса сожрали акулы.

Аморальщина была опасна, под какими бы возвышенными лозунгами она ни скрывалась. Надо признать: парторг сохранил семьи доброй трети легкомысленных научных сотрудников и сотрудниц. Своей же семьи ему так завести и не посчастливилось. Много лет он ухаживал за одной, так же одинокой, продавщицей из «Бакалеи» на Туристской улице, но безрезультатно. Хотя, казалось бы, всё было «за». Парторг частенько в конце собрания любил печально шутить: «Из точки А в точку Б вышел поезд, а в то же самое время из точки Б в точку А вышел ему навстречу другой поезд. В какой они точке встретились? А ни в какой! Почему?! Не посчастливилось!»

Владимир начал избегать Марину Юрьевну, перестал писать любовные письма и звонить каждый день перед сном. Через месяц такого поведения женщина поняла, что физик всё-таки выбрал жену и троих детей. Поплакала, конечно, даже несколько раз напилась с горя, но женская природа взяла своё и к ней возвратилась надежда. Причиной тому стало случайное знакомство с Эльмаром, командированным из Эстонии к ним на фабрику.

Эльмару было тридцать пять лет, он всё знал про окрашивание хлопчатобумажных тканей, семьи не имел, но рассчитывал однажды встретить свою единственную любовь. Об этом не таясь он поведал всему коллективу на отчётно-выборном собрании, когда смешливые тушинские прядильщицы начали подшучивать над его одиночеством.

– Да, я разборчивый! – обиженно реагировал он. – Это такой деликатный вопрос, а вы вот так грубо интересуетесь про жену. Будет жена! Всему своё время!

– Не тyani! – продолжали хохотать прядильщицы. – Оборудование не должно простаивать!

Такие намёки окончательно поставили эстонца в тупик, и он до конца собрания молчал. Потом они случайно столкнулись с Мариной Юрьевной у газетного киоска. Слово за слово, и между ними возникло некое ощущение душевной близости. Позже они дважды ходили на танцы и один раз в ресторан «Колхида» на Садовом кольце. Там Эльмар подробно рассказал о своей жизни в Эстонии. У Эльмара была боль-

шая семья, а до революции семья была ещё и зажиточной, поэтому ровно половину сослали в Сибирь на поселение. Годы стёрли эту трагедию, и семья воссоединилась. Причём не обошлось без казусов – в эстонской половине верховодил католический епископ Мартин, младший брат отца Эльмара, инженера-судостроителя, а в сибирской части управлял старший брат – православный епископ Евстафий. На ежегодной встрече семьи в Таллине на 1 Мая епископы отделялись от остальной компании и погружались в длительные богословские споры.

– Первый престол был и есть Римский, католический! Потому он во всех вопросах прав и потому у католической церкви прихожан на полтора миллиарда больше, – провозглашал неоспоримую истину Мартин.

– Много званных, да мало избранных! – парировал Евстафий. – Вера, происходящая от страстных органов, будь то ум или сердце, для слабой человеческой природы приятна, ибо потворствует слабости. Вера же, проистекающая из духовного родства Светлому Мраку Господню, обожествляет человеческую природу. Оттого и радуемся мы по-разному: вы – от Рождества больше, мы – от Пасхи!

– Не вижу смысла! – негодовал католик. – У меня даже голова закружилась, пока я в уме всё, вами сказанное, на эстонский переводил.

– Вот! – торжествовал православный. – Прямое доказа-

тельство моей правоты. Уму лукавому не одолеть истинной веры!

– При чём здесь вера! – сокрушался Мартин. – Это вы, ваше Высокопреосвященство, как шаман, меня в трансовые состояния вводите своими речами. Да вы хлыст, батюшка!

– Побойтесь Бога! – обижался православный архипастырь и интересовался: – Про шаманов, кстати: вы, ваше Высокопреосвященство, Кастанеду читали?

– Читал, – признавался католик. – И вы читали?

– Мне один инок своими словами, но во всех деталях пересказывал, – отвечал Евстафий и печально разводил руками. – Что тут скажешь: в наших лесах таких кактусов нет!

– Кактусы – не главное! – пытался объяснить ему суть мистического учения Мартин.

– Вот опять! – хмыкал православный архипастырь. – По мне так кактусы-то как раз и самое главное, а всё остальное вода, досужие домыслы! Всё у вас так: и папизм, и кактусы не виноваты!

Рано или поздно Мартин отказывался спорить дальше и соглашался попробовать настойку на кедровых орешках, а Евстафий всюду угощался ликёром «Амаретто», тоже с ореховым привкусом.

Много ещё чего рассказывал Эльмар Марине Юрьевне, и чем больше он рассказывал, тем больше она ему симпатизировала. Стала носить мини-юбку и душиться «Ландышем

серебристым» не так экономно, как раньше.

Эстонец это, видимо, чувствовал, потому что начинал говорить с сильным акцентом.

Марина Юрьевна уже несколько раз пыталась заманить его на чай домой, пока Серёжа был в школе, и только сегодня он наконец решился. Пришёл с цветами и гигантским карандашом, говорил опять путано и много про старый Таллин, про всемирно известные эстонские кисломолочные продукты. Марине Юрьевне пришлось взять инициативу в свои руки и поцеловать гостя первой. Эльмар о таком и мечтать не мог. Целомудренный эстонец испытал такой комплекс чувств, что на последующие действия у него просто не было ресурса. Но женщину это только вдохновило ещё больше.

Когда немного сконфуженный Эльмар ушёл и домой вернулся сын, она витала в своих грёзах.

– Ещё услышим бой часов Старого Томаса, – лепетала она.

Серёжа не очень понял, о чём идёт речь, но расспрашивать не стал, позволяя маме и дальше грезить о чём-то, видимо, очень красивом. Или что у взрослых таким красивым считается. Он отложил гигантский карандаш в сторону и открыл учебник математики. Завтра должна была быть контрольная, а с математикой у Серёжи было не очень хорошо. Да и учительница Белла Васильевна спуска никому не давала. Строгая была женщина, хотя и дружила с артистом Владимиром Высоцким, который пел песни. Во всяком случае,

так рассказывала Серёжина одноклассница Катька Лютаева. Она сама видела, как артист на белой иномарке привозил Беллу Васильевну домой. Правда, не в Тушино, а на «Войковскую», в кооператив «Лебедь», за мостом. В красивые высотки, которые местные жители почему-то называли «еврейскими». У Катьки в этих домах бабушка жила.

Серёжа зевнул и захлопнул учебник. Сил готовиться не было совсем. В глазах стояло окровавленное лицо американского шпиона. Мальчик встряхнул головой, отпугивая морок, и пошёл к кровати.

В то же самое время Борька сидел в гордом одиночестве посреди пустой трибуны и следил за беготнёй хоккеисток по полю. Под грохочущую из звуковых колонок музыку оперы Рихарда Вагнера «Золото Рейна» девки, не зная устали, рвали воздух короткими кривыми клюшками, толкались нещадно и то и дело катились кубарем по траве.

Мальчик гордился, что его подруга не только ничем не уступает остальным, но даже пользуется у них авторитетом. Иногда во время атаки лицо Хольды приобретало исключительно правильные геометрические формы и глаза словно заливала ртуть, иногда она отпускала себя и звонко хохотала до колик в животе. И тогда мальчишке больше всего на свете хотелось смешить её, чтобы она вечно так смеялась.

Вот уже третий день Борис определялся с вопросом: любит ли он её или просто хочет эгоистично владеть ею, по-

тому что круче неё он ещё девчонки не встречал. Сегодня, глядя на неё с трибун, он понял, что всё-таки любит, потому что такая красота вряд ли может ему когда-нибудь принадлежать. Оно, конечно, нелогично, но так.

Когда он думал про это, Хольда думала о Серёже и не могла понять, почему он не выходит у неё из головы. Это очень мешало ей играть. Капитанша их команды уже дважды пихала её в плечо и говорила: «Очнись!» А она не могла. Разве что под самый конец игры, когда на неё налетели сразу две защитницы и буквально выбросили её за поле. Только тогда, стирая с виска кровь от царапины, Принцесса отвлеклась от чувственных грёз.

После матча Борис и Хольда возвращались домой вдоль канала, и мальчик решительно спросил:

– Мы будем больше чем друзья?

Девочка от неожиданности опешила, но, взглянув на бледное лицо друга, серьёзно и честно ответила:

– Не будем.

На этом и окончились их личные отношения. Будучи уже очень взрослыми людьми, однажды летним вечером они вернулись на это место и долго молча смотрели на тёмную воду, пытаясь уловить в её отблесках затухающие огоньки давних событий, пережив которые они стали сами собой.

Выросшая Хольда искренне надеялась, что на неё из про-

хладной темени воды взглянет она сама, шестиклассница. Но ничего не увидела. А Борис как раз ясно увидел себя и бывшего комсорга. Но не взрослыми, а детьми. Мужчина резонно решил, что спутница спишет это на последние, явно лишние стопки коньяка в гостях, и не стал ничего говорить ей.

Он не знал, что тогда, тем далёким летним вечером после матча, Хольде показалось, что на них из воды смотрели они сами, только спустя целую жизнь...

Ребята сошли с набережной на мост, по нему перешли на другую сторону канала и на углу парка попрощались, крепко пожав друг другу руки.

Для мальчика, впрочем, это прощание было больше символическим, потому что он сделал вид, что повернул и пошёл к переходу на светофоре, но на самом деле скользнул шпионской тенью вдоль кованой парковой решётки и на некотором отдалении, пробираясь сквозь кусты, проводил комсорга до самого подъезда. И только когда её милый профиль скрылся за дверью, направился к себе домой.

У трамвайной остановки он встретил деда Ваню Собакина. Тот сидел в ожидании трамвая на скамеечке с огромной медной трубой на коленях. Труба называлась туба, и дед Ваня на ней играл по работе, в духовом оркестре, приписанном к Дому культуры, но выступающем только на похоронах. Оркестр на всё Тушино был один, и всех музыкантов местные знали в лицо. А уж деда Ваню в особенности. Ну, во-пер-

вых, он был герой войны, во-вторых, имея образование фрезеровщика высшей категории, большую часть крепёжных гаек на космическом корабле выточил лично, в-третьих, имел в сыновьях Гарика Собакина – парня лихого, с гитарой, на которой он в подвале того же Дома культуры по ночам играл для таких, как он, лихих ребят, часть из которых носила в карманах ножи и кастеты.

Нельзя сказать, что кровопролитие было нормой среди тушинской молодёжи, но, как говорится, кровь не водица! С одной стороны, это отбивало охоту у посторонних людей хулиганить на районе, с другой – утверждало некоторые важные аспекты зги. Самыми распространёнными травмами были здесь повреждение брюшной полости острым режущим предметом и перелом черепно-лицевых костей тупым предметом. Обычно это случалось, если дело касалось женщин и вина. Грабежи шли отдельной статьёй и осуществлялись совсем другими персонажами. Они-то как раз к музыке интереса не имели, жили обособленно, чаще холостяками. Они звали Гарика Собакина к себе, но тот выбрал гитару и общество. Душегубы с уважением отнеслись к его выбору. Так что с дедом Ваней все старались держаться по-родственному.

– Чего так поздно, деда Ваня? – поинтересовался мальчик, присаживаясь с музыкантом рядом на скамейке.

– Цеховика одного хоронили, потом поминки. У них это всё с музыкой! Но лишних денег не бывает. Короче, перед

тем, как я ушёл, «горько» кто-то кричал, – открыто поделился пожилой мужчина и похлопал Борю по плечу. – Ты-то чего в такую темень по Тушино таскаешься? Смотри! Говорят, недавно одного такого пацанёнка плезиозавр в водохранилище утащил!

– Брехня это всё, деда Ваня, – покачал головой мальчишка. – Не мог плезиозавр к нам заплывать, у нас же все каналы вручную вырыты! Да и вымерли они давно.

– Ты не забывай, – со значением поднял к небу указательный палец мужчина, – каналы при Сталине рыли. Иосиф Виссарионыч мог на этот счёт тоже своё мнение иметь. А с его мнением считались. Это не как сейчас. Вымерли!

На этих его словах подъехал трамвай, и Борька помог деду Ване втащить тубу в вагон.

– Как думаешь, Петровна, – обратился к старушке-вагоновожатой деда Ваня, – есть плезиозавр?

– Я лично жертва! – живо откликнулась та. – Дело было на моих выпускных. Мы с девками пошли после гулянки купаться. Без парней. Чтобы хоть голяком нормально поплавать. Целый день парились в бальных платьях! И что ж ты думаешь?! Пока мы купались, этот чёртов плезиозавр всю нашу одежду сожрал. Его рыбак в двух шагах от себя видел. Вот мы натерпелись тогда. Голяком! Через весь район! Ещё нас ребята увидели, когда мы дорогу перебежали! Сраму было! Со своим-то благоверным я тогда первый раз перемигнулась. Есть плезиозавр! Хи-хи!

Может показаться странным, что подавляющее число тушинцев знало такое научное слово, как «плезиозавр». Но данный парадокс был обусловлен личностью руководителя почтового отделения – Радькова Вениамина Васильевича. Этот удивительно деятельный человек приложил гигантские усилия, чтобы слово «плезиозавр» было в устах новорождённых тушинских младенцев вторым после «мамы».

Позже выяснилось, что Вениамин Васильевич страдал эксгибиционизмом, посещал положенного специалиста в психдиспансере на улице Свободы и всё свободное время шарахался по Алёшкинскому лесу перед выходящими туда окнами тушинского родильного дома. Едва какая-нибудь молодая мать подходила к окну и начинала неосторожно любоваться видами природы, как Радьков с чёрным чулком на голове стремительно выскакивал из кустов и рвал на себе длинный болотный плащ, в котором ничего, кроме белого голого тела Вениамина Васильевича, не было. Десятки раз разгневанные отцы устраивали на Радькова облавы и засады, но опытный извращенец ни разу не попался им в руки. Участковый Бродягин, реагируя на многочисленные жалобы рожениц и их родственников, только разводил руками и говорил: «Нет никаких доказательств, пока не поймаешь с личным или хотя бы сфотографируешь. А так?! Что тут поделаешь? Неуловимый он, таинственный, как Хиро Онода или как плезиозавр в озере Шотландии или в нашем водо-

хранилище».

Эту фразу старушки у подъездов передавали как тайное каббалистическое знание, смысла прямого не имеющее, но способное вызывать разные мысли, в том числе из-за «хироноды» и деликатные.

Стеречь Радькова у квартиры или работы тоже смысла не было – а вдруг это и не он в маске своим плезиозавром перед роженицами шлёпал? Не было у людей полной уверенности. Так бы, конечно, давно прикончили.

И с некоторых пор слово «плезиозавр» как-то синонимизировалось в сознании местных жителей с чем-то постыдным и смешным, но чего нельзя зарегистрировать известными методами, как пуканье в переполненном автобусе.

Окончательное разоблачение Вениамина Васильевича произошло, когда он на своих «Жигулях» разбился в аварии и был найден знаменитый плащ, а также выяснилось, что он, помимо извращений, ещё был почётный донор РФ да, как овдовел, стал переводить ровно половину своего жалованья в больницы, где рак лечат. И к неувловимому, постыдному и смешному ещё грустная, светлая нотка добавилась.

Таким многослойным было понимание местными жителями слова «плезиозавр».

Так, довольно часто можно было услышать, как молодые матери, сажая своих малышей в тёплую ванну, приговаривали: «Всё Сашеньке помоем – ручки, ножки, ушки, плезиозаврика. Чтобы он рыбкой не пах. Он же морское чудовище

как-никак!»

Наконец трамвай притормозил на остановке у дома. Борис уважительно попрощался с дедой Ваней и пошёл к родителям.

Их он застал в необычном возбуждении. Александр Анатольевич и Полина Ивановна сидели на кухне в пижамах и зачарованно смотрели на лист белой плотной бумаги, лежавший перед ними.

– Что это такое? – тихо поинтересовался мальчик у родителей.

– Сынок! – дрожащим голосом сообщил отец. – Ты увидишь настоящий Ледовитый океан! Баренцево море! Северное сияние!

Мама тут не выдержала и в голос заплакала. Столь неожиданная реакция произошла у милой женщины от пережитого в Тушино после двадцатилетнего замужества за Александром Анатольевичем. Когда схлынула первая волна влюблённости и оголтелое счастье перестало застилать глаза, Полина Ивановна обнаружила себя с ребёнком на руках, рассматривающую в щель между разъехавшимися плитами в квартире, как мимо их дома грохочет трамвай и сильно издёрганный, выжатый жизнью, как половая тряпка, Александр Анатольевич едет на нём до ломбарда на Туристской, чтобы заложить там её золотые серёжки и на вырученные средства купить себе определённый прибор для космической промышленности. А она – дочь генерала авиации, всё детство и

юность с родителями прожившая в пансионатах Мисхора, – уже третью неделю не ела ничего, кроме огурцов и гречки. Конечно, она хотела наконец увидеть северное сияние!

Александра Анатольевича перевели на научно-исследовательскую базу в районе Териберской губы. Переводили со значительным повышением оклада. Такого успеха и такой чести ему удалось добиться благодаря разработанному им особому космическому изобретению, для испытания которого он и направлялся на Крайний Север. Полина Ивановна понимала уровень накала чувств своего мужа и до самого отъезда ни на шаг от него не отходила, чтобы не позволить губительному пристрастию изобретателя помешать ей увидеть северное сияние. От такого усиленного внимания Александр Анатольевич стал болезненно нервным и крайне пессимистично настроенным. Однажды Боря слышал, как его отец кому-то по телефону сказал, что хочет застрелиться, но не имеет для этого пистолета. Из этого же разговора мальчик узнал, что отправка «Бурана» на космодром произойдёт ровно через неделю, о чём на следующий день сообщил своим друзьям на футбольном поле за школой.

– Судьба всё сама решила! Полярная звезда осветила наш путь! – очень значительно отреагировала на это известие Принцесса. – Будем готовиться! В первую очередь нам потребуются сухари, тушёнка, вода и кислород. Сухари и прочее – чтобы питаться, а кислород – чтобы дышать в космо-

се, в котором этого кислорода нет. Кислород можно взять на стройке у Химинститута, я знаю, где сарай с баллонами стоит.

Химинститут был отдельной областью тушинского бытия. Точнее, даже не сам Химинститут, а долгострой на пересечении улиц Фомичёва и Героев Панфиловцев. Круглое здание из красного кирпича десятилетиями паялось пустыми оконными проёмами и обрастало среди местных жителей легендами. С одной стороны, здание было довольно перспективное в плане вопиющей бесхозности, проявленной руководством учебного заведения. При желании оттуда можно было тоннами тащить разного рода материалы, в том числе цветные металлы. С другой стороны, люди это делать боялись. Словно невидимой стеной отгораживалось это строение от случайного интереса. Как-то не хотелось людям знать, что там внутри. И не зря, наверное. В «лихие девяностые», когда страну захлестнула волна организованной преступности, здание часто использовалось злодеями для кровавых расправ над другими злодеями-конкурентами. Хотя, конечно, ситуация с преступностью была далеко не однозначная. Тушино удивительным образом отторгало организованную преступность, как здоровый организм отторгает просроченные продукты. Банды одна за другой сменяли друг друга, и, казалось, что вот-вот либо «солнцевские» сменят «люберецких», либо их сменят чечены, а их «подольские», и наступит долгожданное равновесие, но нет. Как только очередная

банда вытесняла другую, брала под свою небескорыстную опеку владельцев частных фирм и предприятий, а бывшие боевики переодевались из спортивных костюмов «Адидас» в костюмы от Армани и заводили офис, обязательно откуда не ждали появлялся местный неказистый хулиган, который то в этот офис гранату кидал, то из отцовской двустволки «решал» уже расслабившихся гангстеров и сотрудников их офиса. Причём обычно всё происходило спонтанно, без предварительного сговора и какого-либо намёка на привычную корысть. Примерно так: гангстеры случайно нарушали привычное течение жизни простых тушинцев, предположим загораживали своими иномарками проход к подъезду, баба Зина или баба Клава брала банку ею же «накрученных» малосольных огурцов и шла с жалобой на чужаков к местному хулигану. Обращение такого порядка вполне соответствовало духу настоящей зги и делало местному хулигану большую честь. Отчего тот, особо не задумываясь, хватал первое самое надёжное, что под руку попадалось, и отправлялся вершить справедливость. И хорошо, если это было ружьё или ещё что-либо, приемлемое бандитскому рассудку, но случались и бензопилы, и даже колбы с неизвестными реактивами, от которых гангстеры в буквальном смысле растворялись, как леденцы в кипятке. Это пугало самых серьёзных авторитетов. Они не хотели растворяться, а как этого избежать при отсутствии централизованного управления злом, не знали. Проклиная реликтовый менталитет тушинцев, гангстеры без

сожаления покидали этот дикий, по их же мнению, район и селились ближе к Садовому кольцу или зажористой Рублёвке. Так никто в итоге не остался. Впрочем, тушинцы о таких тонкостях бандитского бытия не задумывались. Их наследственная память таила такие бездны опыта сосуществования со злом, что десяток-другой алчных душегубов воспринимался как случайная нелепость, про которую даже бабушки ленились сплетничать.

Куда интереснее старушкам было обсуждать красивый конфликт между Аллой Пугачёвой и Софией Ротару. Тут было о чём поговорить. Алла была еврейкой-москвичкой, а Софа – селянкой-молдаванкой. И та и другая имели свои плюсы и минусы. Алла, тут спору нет, пела ярче, была веселее и замуж каждый месяц выходила, но у Софы был единственный муж и внешность поинтереснее. Красивая София походила на Марину Мнишек, которая тушинским бабушкам тоже была не чужая.

– Я знаю, где сухари взять, – придумал Серёжа. – У нашей соседки Лилии Ивановны три картофельных мешка в кладовке. Она всё время сушит в плите. Говорит: если война опять, то она готова. Из них можно несколько вёдер забрать. В старую наволочку насыпать. Нам на весь полёт точно хватит. Лилия Ивановна в три часа уходит к соседке чай пить. Как уйдёт, я вам из окна крикну, и вы мне поможете вынести.

– Здорово! – обрадовались ребята, а Борька сразу предло-

жил:

– У моего папы в гараже спрячем. Пошли. Три часа быстро стукнет.

Договорившись, друзья отправились к дому Серёжи. На перекрёстке они заметили Жабина с мешком, бредущего вдоль дома напротив.

– Жаба! – показал на него Борька. – Жаба котят пошёл топить!

– Откуда ты знаешь? – усомнилась девочка. – Он вроде в субботу грозился и братьев Бухтиных с собой взять.

– Но мешок?! – не сдавался Пророк. – В мешке сто процентов котят. У них кошка вчера родила.

– Надо за ним проследить! Тогда всё узнаем точно.

– Но как же сухари? – напомнил Серёжа.

– Один справишься, у тебя башка большая, – отмахнулась Хольда. – Мы же рыцари Ордена Красной Звезды! На кону живая жизнь стоит! Ты наволочку из квартиры вытащи и под лестницу засунь. Встретимся в Доме пионеров, мне Репиной надо втык дать, а потом на «химку» за кислородом.

– Ладно! – согласился с её аргументами мальчик.

Когда он добрался до квартиры, обнаружил, что три часа почти наступили, а Лилия Ивановна уходить никуда и не собиралась. Мало того, старая женщина накрыла на кухне стол бордовой праздничной скатертью с пурпурными кистями на углах и поставила на неё огромный фарфоровый чайник с

изображением центрального входа на Выставку достижений народного хозяйства. Рядом поставила две чашечки с ажурными ручками и блюдца под них. Также появились хрустальные розетки с вишнёвым и черничным вареньем.

– Подруга придёт, – зачем-то оповестила она мальчика. – В один день с ней овдовели, когда плотину рвануло в 1954-м. Она сама еле выжила. Посидим, повспоминаем, поплачем.

– Долго? – не сдержал интереса Серёжа.

– До полуночи точно. Есть что вспомнить. Я твою мать уже предупредила, – охотно поделилась своими планами Лилия Ивановна.

Понятное дело, это срывало все планы похищения сухарей. С другой стороны, подумал Серёжа, можно с сухарями и до завтра подождать. Пока лучше Хольде и Пророку оказать поддержку. Жабин очень непростой человек и был способен на разные пакости.

Мальчик выскочил из квартиры и тут же на лестничной площадке столкнулся с пожилой женщиной огромного роста и донельзя упитанной. Её большое тело, убранное в белое кружевное платье, закрывало всю площадку.

– Отойди, малыш! Не разъедемся, – басом попросила женщина.

Серёжа разумно послушался и вернулся в квартиру. Он, конечно, догадался, что это та самая гостья Лилии Иванов-

ны.

Дама влилась большим телом в квартиру и поплыла далее, на кухню.

– Любовь Тимофеевна! – послышался голос соседки. – Вот вы никогда не опаздываете. Такая точность!

– Так чего удивляться? – пробасила Любовь Тимофеевна. – У меня на аэродроме каждая секунда имела стратегическое значение. Я сама никогда не опаздывала, и при моей смене за двадцать лет только однажды дежурный опоздал, да и то по уважительной причине – его медведь заломал. У медведя там берлога была.

Это где сейчас бензозаправка в конце Свободы!

Серёжа не стал дослушивать рассказ гостьи. Едва появилось пространство между её пышным телом и входной дверью, мальчик тут же шмыгнул туда.

Жабин действительно был очень непрост. Он тут же заметил слезку и начал кружить по району, то неожиданно исчезая за молоковозом и появляясь уже у детской площадки, то заходя в подъезд очередного дома и подолгу околачиваясь там у окна, из которого наблюдал сверху за Борькой и комсоморгом.

– А чего, нельзя сразу у него котят отобрать и по башке заодно настучать? – недоумевал Пророк, уже подуставший от слезки.

– Бездоказательно. Не по зге! – строго ответила Принцес-

са. – Может, он медикаменты умирающему дедушке несёт?!

– У Жабина нет дедушки, – напомнил Борька. – Его понтоном раздавило.

– Ну бабушке! – продолжала Хольда.

– Бабушка его не особо помирать собирается, – опять возразил мальчик. – Она нас всех переживёт. В прошлом году она за мной две трамвайные остановки бежала с палкой. Я случайно её авоську с яйцами портфелем задел и разбил две штуки. Точно бы искалечила, если бы догнала!

Пока они обсуждали хулигана-одноклассника, тот, ехидно щурясь, подглядывал за ними с площадки третьего этажа. В мешке жалобно пищали два новорождённых котёнка. Андрей вытер рукавом сопли и только было собирался подняться ещё на этаж выше и чем-нибудь запулить в своих преследователей через форточку, как у него за спиной скрипнула дверь, пахнуло гнилью и мальчика просто засосало внутрь открытой квартиры. Он только и успел крикнуть: «Помо...» – «...гите» заглушил лязг ржавой щеколды. И во круг воцарился влажный мрак. Жабин вытянул свободную руку вперёд, нащупывая возможный выход, но выхода не нашёл, а нащупал что-то живое, жирное, покрытое волосами. Это «что-то живое» зашевелилось и сказала:

– Плотный какой! Я тебя потушу.

– Не надо меня тушить, я не лампочка! – испуганно попросил мальчик.

– С картошкой потушу, – не обращая внимания на него,

закончило свои рассуждения «что-то живое», вырвало из рук Жабина мешок с котятами, натянуло его на голову Андрея Николаевича и потащило вглубь квартиры.

– Чего-то его долго нет! – обратился к Принцессе Борька.

– Пошли проверим, – согласилась она и первой шагнула к подъезду.

Дети честно поднялись до последнего этажа, но Жабина не обнаружили. Дверь, ведущая на чердак, оказалась закрытой на огромный амбарный замок.

– Либо к кому-то зашёл, либо, если у него ключ был, по чердаку в соседний подъезд пролез, гад ползучий, – хмуро констатировал Борька.

– Можно, конечно, его подождать, но я тоже думаю, что через соседний подъезд ушёл, – кивнула Хольда и предложила: – Пошли за кислородом?

– Пошли! – согласился мальчик, взглянув на висящие на столбе у троллейбусной остановки часы. – Через полчаса мама к тёте Гале пойдёт заниматься, а папу до семи не жди. Хрен с Жабой!

На тот момент Полина Ивановна действительно собиралась к тёте Гале, которая тайно верховодила тушинским отделением последователей оздоровительных идей Порфирия Иванова. Галина Сергеевна Комашко была родом из той деревни, что и супруга Порфирия Иванова Ульяна Фёдоровна. Они вместе дважды ездили забирать учителя и супруга из пленения. Один раз из сумасшедшего дома НКВД, где Пор-

фирий Корнеевич в одних трусах спорил с Ежовым, после чего, говорят, у того был нервный срыв и он фатально нахамил Сталину, а другой раз, во время Великой Отечественной войны, из немецкой комендатуры, где упрямый старик в тех же трусах учил немецкого генерала Паулюса, как нужно любить русскую природу.

Тётя Галя, как и все последователи Порфирия Иванова, не боялась мороза и жила в квартире без стёкол. Чтобы не привлекать особого внимания, окна были затянуты с внешней стороны мелкой стальной сеткой. Правда, для точности стоит оговориться: одно нормальное окно было. Оно находилось в комнате сына тёти Гали – дяди Васи, мясника из продуктового магазина с улицы Данилайтиса. Дядя Вася пах сырым мясом и тоже симпатизировал идее ходить круглый год в одном нижнем белье, но статус его обязывал зимой носить пальто и содержать свою комнату в тепле, чтобы радиоприёмник и телевизор оставались в рабочем состоянии. Нежные электроприборы, в отличие адептов учения деда Порфирия, не выносили долгого пребывания на морозе, как, впрочем, и покойный муж тёти Гали.

Борькина мама состояла в инициативной группе по долгу службы: Галина Сергеевна, помимо экстремально оздоровительных мероприятий, ещё и возглавляла отдел научно-исследовательского института при Мосгидропроекте. Женщина она была решительная, но справедливая, и, когда Борьки-

ны родители очередной раз не дождались своей очереди на квартиру, тётя Галя пошла на «самый верх» и добилась улучшения их жилищных условий. Мало того, на торжественном ужине в честь получения новой квартиры, во время перекура на балконе, сын Галины Сергеевны дядя Вася узнал о мечте Борькиного папы владеть личным автомобилем и помог почти задаром получить гараж в кооперативе напротив. Машины, конечно, пока купить не удалось, но зато Александр Анатольевич хранил в гараже всякие материалы и приборы для научной работы. Владельцы соседних гаражей с большим подозрением смотрели на эту ситуацию, поскольку небезосновательно считали гараж Борькиного папы источником большой опасности. Особенно ему не доверял пожилой сосед с бакенбардами, служивший в ресторане у Красной площади швейцаром. Уже дважды в гараже Александра Анатольевича что-то сильно дымило, а на позапрошлый Новый год рванул полупустой газовый баллон и взрывом разорвало на части собаку сторожа, которая на свою беду что-то вынюхивала рядом.

– Продай ты его наконец! – уговаривала мужа Полина Ивановна, но тот был непреклонен.

– Мы, Пророки, всегда добивались от жизни самого лучшего! – авторитетно заявлял он. – Если у других есть машина, то и у нас должна быть!

– Зачем?! – возражала жена. – Ведь у тебя даже прав нет!

– Пока нет! – парировал он. – Машина появится – будут!

Полина Ивановна никогда не продолжала спор, хотя была уверена, что машины не появятся никогда, но лишать мечты супруга считала безнравственным.

Тётя Галя неоднократно предлагала Борькиной маме привлечь к закаливающим процедурам и Александра Анатольевича, для просветления его отягощённого материальным миром рассудка, однако Полина Ивановна не сомневалась, что в таком случае она очень быстро овдовеет, как и её научный руководитель.

Каждый четверг Полина Ивановна приходила на квартиру к «ивановцам», и в компании ещё пяти – семи человек они практиковали осознание своего единства с природой посредством приятия русского холода. Они раздевались до нижнего белья и поочерёдно вслух читали безграмотные сочинения деда Порфирия. Тот окончил четыре класса церковно-приходской школы, писал как слышал, а часто слышал довольно ориентировочно. Сказывались годы, проведённые в самых строгих режимных психиатрических заведениях, где естествоиспытателю приходилось находиться в окружении неуправляемых психопатов и агрессивных шизофреников. Этим опытом буквально дышала каждая мысль, написанная им предварительно обслюнявленным химическим карандашом на обрывках упаковочной бумаги. «Дримба ходится по землеухе вспашь чёрная!» – зывали строки.

Эта морозная жуть действительно что-то меняла в голове Борькиной мамы, без следа вычищая оттуда все страхи

и неуверенности, свойственные любой замужней женщине. Каждый раз, возвращаясь домой после занятий у тёти Гали, Полина Ивановна чувствовала себя обновлённой, способной и дальше безропотно, а то и с радостью нести свой крест, лишь бы не мёрзнуть больше.

Летом, конечно, было полегче. Летом последователи Иванова чаще занимались приседаниями и перепиской от руки его очередных невнятных, но удивительно ощутимых откровений. Самым старательным выпадала счастливая возможность поездки к деду в деревню для личной беседы.

Так что Борька был уверен – мамы дома не будет. Хотя, конечно, неспасённые котята скребли дистанционно совесть мальчишки.

Знал бы он, как тонко Бытие плетёт свою паутину, шлифуя кристалл текущего события схожими материалами, психоневрологическими в данном случае, и что его жестокосердный одноклассник в тот момент был привязан к столу в квартире на третьем этаже и не имел никакой возможности причинить котятam зло. Во рту Жабина торчала грязная тряпка, а руки и ноги были намертво скреплены изолентой. Из лежачего положения ему удавалось видеть лишь часть комнаты. Грязные стёкла в окнах почти не пропускали дневной свет, к тому же видеть мешал вонючий чад, исходящий из кухни, где грохотал кастрюлями таинственный похититель.

– Это же как хорошо – можно и без подсолнечного масла.

Такой жирный школьник! Свой сок даст, – бухтел вполголо-са тот. – Только Лизка не приходи, и Лёне ни-ни! А Гиви сам всё скоро узнает. У нас улов на сто рублей!

Вскоре хозяин вкрадчивого голоса вернулся в комнату, Андрюха разглядел его и понял, что, скорее всего, живым ему не уйти. Похитителем оказался худосочный, но высокий мужчина лет сорока с лишним. На нём был синий халат, как у учителя труда в школе. Голову украшала грязная панама. Глаза мужчины не выражали ничего, словно ему зрачки кто-то развернул внутрь. Тонкие, брезгливые губы шевелились сами по себе. Обычно так говорили персонажи пластилиновых мультиков – все части лица находились в автономном режиме, без взаимодействия друг с другом.

– Как я тебя назову? – вслух задумался похититель. – Без имени нельзя. Потеряется среди остальных. Вот меня звали Елизавета... Нет! Поликарп! Да – Поликарп! И вот я как миленький не потерялся.

Он подошёл к зеркалу у стены и начал собой любоваться. На любованье он потратил не меньше десяти минут. Потом Поликарп зачем-то снял брюки и вытащил из тумбочки у зеркала губную помаду. К ужасу мальчишки, похититель покрыл свои отдельно существующие губы толстым слоем пурпурной помады.

– Поликарп дурак! – неожиданно заявил мужчина и кокетливо ладонью пригладил жидкие волосы на своей голове. – Сила есть, ума не надо! Я ведь предупреждала: не за-

бывай выключать огонь. Прожжёшь кастрюлю, кретин! Это тебе не трубы в узел закручивать, это вопрос концентрации! И где мы сейчас?! Где, я спрашиваю? Потерялся Польша! Заблудился в себе!

Тут похититель словно вновь увидел лежавшего на столе ребёнка.

– Ну, твою ж мать! – сердито выругался он и схватил с подоконника длинный самодельный нож.

Мальчишка зажмурился, обильно напрудил в штаны и приготовился к смерти.

Но, к его изумлению, мужчина страшным ножом перерезал стягивавшую его конечности изоленку, при этом приговаривая:

– Заведёт нас Польша в беду! Ой, заведёт! Опять электричеством десять лет лечить всех будут. И его, дурака, и меня, и Леонида Аркадьевича, и Гиви-альпиниста. И ведь договорились на берегу – только не в Тушино, только по своим дням и по плану Леонида Аркадьевича!

Освободившись, Андрюша не стал особо вслушиваться в причитания похитителя, а сразу метнулся к входной двери. Страх, владевший им, сделал каждое его движение точным и осмысленным, словно всё происходило в замедленной съёмке. Не более десяти секунд потребовалось, чтобы открыть два хитрых дверных замка, выскочить из квартиры, миновать шесть пролётов и ещё пробежать с душераздирающими

криками минимум три километра. О котятках Жабин, разумеется, и не вспомнил. Котят, предварительно накормив из глубокой тарелки с молоком, а потом помыв с хозяйственным мылом в ванной, нежно уложил на брошенное в угол синее махровое полотенце похититель.

Ведь, по сути, он не был плохим человеком. Впрочем, он вообще не был человеком в привычном для большинства понимании. Он был хомо квантикус. Именно так его классифицировал профессор Большеротов, проведя тщательное исследование в специализированном отделении на Волоколамском шоссе в Первой инфекционной больнице, прямо при повороте к Тушино. Профессор мог бы бесконечно изучать научный феномен этого диссоциативного расстройства идентичности, доставшийся пациенту после аварии на улице Свободы, где белая «Волга» с пьяным в дым доцентом Института марксизма-ленинизма въехала в трамвайную остановку и лишила жизни ещё трёх человек, двое из которых, мужчины, возвращались после планового посещения психдиспансера неподалёку, а одна, женщина-бухгалтер, ехала на работу.

Однако работе Большеротова помешал факт принадлежности пьяного водителя к партийной элите. Леонид Аркадьевич Воронов-Шумский хоть и вынужденно и по своей же халатности уместил в своём теле сущности трёх им же погубленных людей, но своей идейной квалификации и высоких связей не потерял. Хомо квантикуса пришлось отпустить. В

министерство звонили из ЦК партии.

Профессор Большперотов исчез через неделю. Попытки его найти успехом не увенчались, хотя все, кто был знаком со сложившейся ситуацией, не сомневались, что его сожрала одна из сущностей секретаря парткома. Нельзя сказать определённо, так ли это было на самом деле. Леонид Аркадьевич потратил массу времени, чтобы подобного не случилось. Как только ситуация с дополнительными сущностями прояснилась, партиец взял бразды правления на себя, составил точный график индивидуального существования и провёл маркерные линии поведения, за которые выходить сущностям не рекомендовалось. Если же возникало неповиновение, Леонид Аркадьевич искоренял его бескомпромиссным запоем, каждый из которых мог стать последним. Сущности боялись за тело носителя и делали почти всё по указке Воронова-Шумского.

Срывы тоже порой случались, но мудрый парторг продумал и это, закрепив в сознании сущностей, что причинять вред своим землякам-тушинцам нельзя, не по зге, а что до остальных, то их провинности должны были соответствовать двум параметрам – аморальщина и беспартийность. Так что в соседствующих Войковском и Строгинском районах эти качества могли стать и приговором. Особенно ночью, когда людоед Поликарп или альпинист Гиви ловко ползали по балконам, движимые своими тёмными, чудом объединёнными инстинктами, которые можно было бы купировать медика-

ментозно, но Леонид Аркадьевич опасался за ясность своего рассудка. Тело на всех было одно, и экспериментировать с психотропными препаратами действительно было рискованно. Тем более что за почти десять лет сосуществования ощутимого вреда нормальному обществу сущности не нанесли. Были выкрадены из своих квартир и съедены шесть домашних насильников, из своих кабинетов – четыре злостных взяточника и два радиолюбителя, пойманных на прослушивании враждебной радиостанции «Голос Америки». В остальном хомо квантикус воспринимался окружающими как приличный человек с принципами. Дверью в подъезде он не хлопал, почтовые ящики не поджигал и чужих мужей не спавивал. Правда, поначалу соседей смущали дикие крики, периодически доносившиеся из его квартиры под утро, но когда Леонид Аркадьевич уплотнил стены фанерой и стекловатой, тогда поводы критиковать исчезли окончательно. Кроме того, возможность всегда задействовать сущность бухгалтера Елизаветы делала его незаменимым помощником при расчёте за коммунальные услуги. За время своего диссоциативного расстройства идентичности Воронов-Шумский сберёг соседям-пенсионерам большие деньги, на которые они в складчину отремонтировали мусоропровод. Это капиталовложение и самому Леониду Аркадьевичу облегчило некоторые бытовые аспекты, невольно возникшие вместе с дополнительными сущностями. Больше ему не приходилось в четыре часа утра брести к мусорному баку на другом конце

двора и отбиваться от стаи собак, словно дожидавшихся его там.

Конечно, чудом уцелевшему Жабину все эти повороты судьбы были совсем не интересны. Его больше волновали мокрые брюки и хлюпающие мочой ботинки. Хотелось избежать насмешек со стороны. Прижимаясь к домам, он добрался до кафе «Рыцарь», где поварихой служила его мама. Ворвавшись к ней на кухню через чёрный ход, мальчишка бросился в слезах ей на грудь и, заикаясь, рассказал о произошедшем.

Кристина Зурабовна женщина была вспыльчивая и крупная. Своего сына она любила беззаветно и даже была готова преступить закон, если бы потребовалось. Но тут она повела себя необычно. Женщина только расстроенно погладила Андрюху по голове, присела на табурет у стены и уставилась в пол. Посидела так несколько минут, наконец подняла на описанного ребёнка глаза и сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.